ИГОРЬ ЧИННОВ

МОНОЛОГ

РИФМА
ПАРИЖ

ИГОРЬ ЧИННОВ

МОНОЛОГ

РИФМА
ПАРИЖ
1950

Неужели не стоило
Нам рождаться на свет,
Где судьба нам устроила
Этот смутный рассвет,

Где в синеющем инее
Эта сетка ветвей —
Словно тонкие линии
На ладони твоей,

Где дорожка прибрежная,
Описав полукруг,
Словно линия нежная
Жизни — кончилась вдруг,

И полоска попутная —
Слабый след на реке —
Словно линия смутная
Счастья — там, вдалеке...

К ночи мягче погода,
Недалеко весна.
Над трубой парохода
Невысоко — луна.

Дым нежней голубеет,
Синим кажется мост.
Искры легкие реют
Где-то около звезд.

Берег уже и тише,
Тих синеющий сквер.
А немного повыше —
Скоро музыку сфер
Мы, быть может, услышим.

Так посмотришь небрежно,
И не вспомнится позже
Этот снег неизбежный,
Этот светленький дождик.

Незаметно задремлешь,
И не видеть во сне бы
Оснеженную землю,
Светловатое небо.

Это радостный признак,
Это — счастье, поверьте:
Равнодушие к жизни
И предчувствие смерти.

Петух возвещает, чуть свет,
Что ночь позади;
Кукушка — что столько-то лет
Еще впереди.

Куку или кукареку —
Значенье одно:
Что сыплется (будь начеку!)
Струею зерно.

Ты знаешь, есть птица одна,
Она не поет:
Лишь время, как семя, она
Неслышно клюет.

В безветреных полях еще весна.
Лишь одуванчик легкий облетает.
И девочка крича бежит. Она
Его пушок прозрачный собирает.

А под-вечер, еще едва видна,
Растет луна меж Марсом и Венерой,
Еще почти прозрачная луна —
Как одуванчик светловато-серый.

Давай по-детски верить, что луна —
Его душа. Быть может, вновь приснится
Нам нежная, небесная страна,
Где даже одуванчик сохранится.

Яснее с каждым годом: да, провал
Смешных попыток, тягостных стараний.
Быть может, рок нам счастье обещал,
Но, кажется, не сдержит обещаний.

Так в незнакомом тесном ресторане
Вдруг видишь, в зеркалах, просторный зал,
Идешь — и убеждаешься в обмане:
Все те-же люди, тот-же тесный зал
На ледяной поверхности зеркал.

В Булонский лес заходишь в декабре:
Деревья в сизом, снежном серебре.

И видишь, в довершение картины,
Как будто наши, русские рябины —

И чувствуешь, острее с году на год,
Ту горечь терпкую — холодных ягод.

И рот кривишь. От этого всего —
Оскомина, и больше ничего.

Шагаешь по мокнущей груде
Безжизненных листьев, во тьме —
И вдруг вспоминаешь о людях,
Погибших тогда, на войне.

И знаешь, что помнить не надо:
Умершим ничем не помочь.
И память — как шум листопада
В глухую осеннюю ночь.

Вот, живешь: суета, нищета.
Только тщетно считаешь счета,
Только видишь, что сумма не та;

А умрешь — темнота, немота,
И такая, мой друг, пустота,
Будто ночью под аркой моста.

Ночью мост рабочие чинили,
Чтобы мчались по мосту скорей
Деловитые автомобили
Важных, обеспеченных людей —
И другие, всяческих мастей,

Например: тюремный (грузный, зычный,
Ваше охраняющий добро)
Или — юркий, беленький — больничный,
Или — тот, умеренно трагичный,
Скучный — похоронного бюро.

Кабак, завод, тюрьма, больница,
И даже — кладбище вблизи.
Нет, этот городок не снится,
Не чудится. И по грязи

Идут под барабан солдаты
(Казарма — за углом сейчас).
Они ни в чем не виноваты,
Но их убьют. Иль, в добрый час,

Они других убьют. Трезвонит
Звонарь над лучшим из миров,
И так невозмутимо гонит
Хозяин на убой быков.

Немного рыбы и немного соли
На медленном огне — какая скука!
Живая рыба корчилась от боли,
Старуха злилась, плакала от лука,

Над луком, над стручком засохшим перца,
Багровым, как запекшаяся рана,
Морщинистым, как маленькое сердце,
Увядшее у газового крана

От жара, холода и равнодушья:
Сухое сердце той, худой, убогой,
Открывшей, словно рыба, от удушья
Бескровный рот и поминавшей Бога...

А дальше что? Что Бог — благой и кроткий,
Что грешников поджаривают черти,
Что в тишине чадит на сковородке
Немного жизни и немного смерти.

Мальчик бился над задачей,
Верил, что найдет ответ,
Не мирился с неудачей —
А в задаче смысла нет.

От других отнять — и что-же?
Общий жребий разделить:
Состояние умножить,
Да и голову сложить...

Уравнений интересных,
Мальчик, больше не решай:
Слишком много неизвестных —
Счастье, истина, душа...

Ничего не надо больше,
И не всё ль тебе равно,
Что поменьше, что побольше,
Что равно, чему равно...

— А помнишь детство, синий сумрак, юг,
Бессонницу и тишину — часами —
Когда казалось, будто понял вдруг,
Почти умея выразить словами —

О чем звезда мерцает до утра,
О чем вода трепещет ключевая,
О чем синеют небо и гора,
О чем шиповник пахнет, расцветая...

Порой, читая вслух парижским крышам
Его стихи таинственно-простые,
В печали, ночью, в дождь — мы видим, слышим
(В деревне, ночью, осенью, в России):

Живой, знакомый нам, при свечке сальной
Свои стихи негромко он читает,
И каждый стих, веселый и печальный,
Нас так печалит, словно утешает.

И кажется — из царскосельской урны
Прозрачная, хрустально-ключевая
Течет струя свободно и небурно,
Курчавый облик ясно отражая.

И полной грудью мы грустим — но счастьем,
Как вдохновеньем, безотчетно мудрым
Наполнен мир, и стоит жить и, настежь
Открыв окно, дышать парижским утром.

В такой-же день, весной, с тобой вдвоем,
Впервые говоря о нашем общем,
Мы шли... А после — каждый о своем:
Я говорил, порой, бессвязно, в общем,

А ты не слушала... Но в смертный час
В непонятом, в неразделенном, в личном
Таким ненужным станет всё для нас —
Бессмысленным, бесцельным, безразличным.

И лишь одно на свете — мы вдвоем,
Совсем одни, совсем одно друг с другом,
Таким же, как сегодня, теплым днем,
И радуга непрочным полукругом
Стоит вдали...

Влюбленные целуются опять
На влажной от дождя скамейке.
В косом луче развившаяся прядь
Свисает ввиде смуглой змейки.

С тяжелых роз стекают на ладонь
Прозрачно-выпуклые слезы.
В изгибах уха — розовый огонь
Слегка похож на завязь розы.

Опять подымается ветер,
Опять лиловеет восток,
И в сумраке еле заметен
Летящий опавший листок.

(Листок за листком пролетает)
Опять начинает светать,
Опять мы встаем — и считаем,
Что всё повторится опять.

Опять мы заводим пружину
Часов на положенный срок,
Опять мы бросаем в корзину
Один календарный листок.

Скучная желтеет речка,
Тусклая намокла рожь.
Все-таки — ничто не вечно,
Скоро перестанет дождь.

Мокнут над оврагом избы,
Никнет над колодцем жердь.
Что-же! Даже этой жизни
Хуже, хоть немного, смерть.

Наклонись над рекой, погляди:
Тень твоей головы и груди
Неподвижна, как если бы в пруд
Ты гляделся; а воды текут
Мимо тени, тебя и всего,
Мимо светлого дня твоего.

Только — сердце боится слегка:
Есть на свете другая река,
Уносящая солнечный день
И твою мимолетную тень,
И тебя самого заодно
На глубокое, темное дно.

В стакане стынет золотистый чай,
Чаинка видит золотой Китай.

Желтеет чай, как Желтая Река,
И тает сахар, словно облака.

Кружок лимона солнцем золотым
Просвечивает сквозь легчайший дым.

Легчайший пар напоминает ей
Туман прозрачный рисовых полей.

И ложечка серебряным лучом
Упала в золотистый водоем,

Где плавает чаинка, где Китай,
Блаженный край, ее недолгий рай.

В углу, над шкафом, от стены
Кой-где отпала штукатурка,
И пятна плесени видны.
А я гляжу и вижу турка
В высокой феске, на коне,
Кривой залив, луну над мысом.
Я пятна на сырой стене
Каким-то наделяю смыслом.

А в окнах тает полутьма,
И возникает панорама:
Там — тучи, площади, дома,
Зеленобурый купол храма,
Пятно расплывчатой зари,
Сырая празелень и гнилость.
Всё — пятна плесени. Смотри:
И штукатурка отвалилась.

Я слышал где-то анекдот:
Спешит по делу пешеход
Весенним полднем городским.
А некто семенит за ним
И говорит, неясно, в нос:
— Простите. Маленький вопрос:
Вы верите, хоть иногда,
В загробный мир, скажите, да? —
И ждет. И, получив в ответ
Слегка рассеянное «нет»,
Бормочет грустно: очень жаль!
И, закрутившись, как спираль,
И делаясь совсем сквозным,
Рассеивается, как дым.

Ну, вот и всё. Ведь, если вдруг
Ты скажешь, поглядев вокруг,
Что ты не веришь в этот мир,
Мир не уйдет, как дым, в эфир.

Быть может, в мире всё иначе,
Быть может, мир совсем другой,
И всё вокруг не больше значит,
Чем бред, воображенный мной —
И только вихри электронов,
Как заведенные, кружат,
И нет ни этих старых кленов,
Ни девушки, входящей в сад...

Но вот, сейчас, я прижимаю
Мою щеку к твоей щеке,
И ты, простая и живая,
Стоишь со мной, рука в руке.
Всё достоверно, всё понятно:
Желтеют клены, воздух тих,
А небо — синее, как пятна
Чернил на пальчиках твоих.

Нам кажется, всё ясно, очень просто:
На уличной скамейке рядом с нами
Худой старик, замученный работой,
Сидит, согнув сутуло позвоночник,
Глядит на заскорузлые ладони.

Не позвоночник, а тростник прибрежный
Сгибается; не линии ладоней,
А ветки почернелые деревьев
(На фоне желтоватого заката)
Потрескались под градом и под ветром.

Не сердце бьется, а морские волны,
Не кашель, а раскаты громовые,
И не озноб, а Млечный Путь проходит
Насквозь пронизывающей струею.

А может быть, он спит в своей постели,
С женой бранится иль гниет в могиле.

Трепещут судорожные зарницы,
И парус падает косым углом,
И свет и тень, взлетев, упав, как птицы,
Подрагивают сломанным крылом.

Протрепетал дымок, — и вот, струею
Кровавой льется тень от фонарей.
А по реке проходит дрожь порою
И бьется парус (но слабей, слабей).

Как будто чьи-то длинные ресницы
Еще подергиваются, — пока
Вослед дымку косая тень ложится,
Густая тень сочится вдоль виска.

Солнечная зыбь на реке,
Солнечная рябь на листве.
Тени от ветвей на песке,
Стая голубей в синеве.

Рыба сторожит червяка,
Пестрая сияет река.
Тень от моего поплавка
Синью отливает слегка.

Может быть, когда я умру,
Может быть, тогда я пойму
Легкую, простую игру —
Солнце, полусвет, полутьму...

Ночами едет сквозь зыбкий сон
За тенью клячи — тень телеги,
И тени ворон со всех сторон
В лучах луны, в налетевшем снеге.

Как будто душу мою везут
Из царства теней — в царство теней.
Змеиную тень бросает кнут,
Возница сам — не бросает тени...

Быть может, это и наяву
Меня везут, и страшно ехать,
И я напрасно тебя зову,
И голос твой — неживое эхо.

Он тоже один исходил
Глухие, туманные дали.
Но если он их разбудил...
Но если они отвечали...

Но если, меж тихих полей,
В тревоге, в тоске промедленья,
Быть может, услышал Орфей
Ответ, и призыв, и томленье...

И длятся ночные мечты:
Как будто скала раскололась,
Как будто услышал и ты
Дрожащий, надтреснутый голос,

Надрывный, прерывистый звук,
Призывные, слабые крики...
Светает. Как тихо вокруг.
Не жди, не зови Эвридики.

Бывает, поддашься болезни,
Так долго в больнице лежишь
И просишь здоровья и жизни,
И вот, на рассвете, сквозь тишь —

Как будто бы голос далекий
(Не знаю, не спрашивай, чей)
Такой отзывается мукой —
Страшнее больничных ночей...

И скорбью, и болью о мире
(Ты смотришь, платок теребя)
Иное, нездешнее горе,
Как счастьем, пронзает тебя...

О чем ты? — Лицо исказилось,
И жилка дрожит на губе.
Напрасно тебе показалось,
Что кто-то ответил тебе.

Вот, опять вдали кряхтенье
Жабы. Жабе не до сна.
Верно, в прежнем воплощеньи
Соловьем была она.

Вот, кряхтит в ночном просторе.
Непонятна речь ее.
Иль выплакивает горе,
Горе личное свое?

Иль про горе мировое
Наше общее твердит?
Иль о счастьи быть живою,
Как умеет, говорит?

Иль, быть может, словно лебедь,
Плачет, покидая свет?
Или бредит (как не бредить?)
Тем, чего на свете нет?

Какой глубокий, неземной покой:
Улыбка не мелькнет, слеза не брызнет.
Задумчиво-взыскательной душой
Она такой хотела быть при жизни.

И я смотрю, какая чистота
В ее спокойном, строгом совершенстве,
И кажется, что смерть совсем проста.
А лоб под венчиком так детски женствен,

Так странно жив. Не тяжело смотреть
И пальцы тонкие не страшно трогать.
Ее черты одушевила смерть,
Нездешняя, задумчивая строгость.

Стоим, молчим. Неясное мерцанье
Жемчужной ризы. Плащаница, грусть.
Быть может, нет ни райского сиянья,
Ни ада, ни чистилища (и пусть...)

Такой неясный Лик, неяркий венчик —
Но я живу совсем другой мечтой:
Сулит другое светлосерый жемчуг,
Мерцая серебристой чистотой.

Там будет утро, и роса, и слизни
На влажных листьях, серебристый дождь,
Туманный свет — нежней, чем в этой жизни —
Мерцающих, полупрозрачных рощ...

Этот мир, тускловатый и тленный,
Этот город и эта зима
Только — тени на стеклах вселенной,
Светотень в мировом синема.
Это — светом прикинулась тьма.

Но неважно. Важней, что порою
Мы, глаза прикрывая рукою
И впадая почти в забытье,
Вспоминаем и видим другое,
Необманчивое бытие.

Снова тот-же ветер веет.
Да, опять начало мая.
Только — сердце вдруг мертвеет,
Что-то смутно понимая.

Снова та-же птица реет.
Что там, в небе? Жизнь иная?
И душа на миг стареет,
Что-то смутно вспоминая...

Порой замрет, сожмется сердце,
И мысли — те-же всё и те:
О черной яме, «мирной смерти»,
О темноте и немоте.

И странно: смутный, тайный признак —
Какой-то луч, какой-то звук —
Нездешней, невозможной жизни
Почти улавливаешь вдруг...

Медленно меркнет мой путь.
Боли не выскажу людям.
Боже, я петь не могу,
Сердце смолкает мое.

Счастье мерцало и мне —
Канула капля слепая.
Слабая мгла глубока,
Рано — Смеркается — Смерть.

Быть может... (Неясные звезды,
Туманный, мерцающий свет).
Быть может, ты все-же услышишь
Когда-нибудь чей-то ответ:

На смутную жалобу эту,
На грусть (ни о чем, обо всем) —
Ответ, непонятно далекий,
В холодном тумане ночном.

Какой неудержимый ливень!
Закрой окно. Темнеет день.
Сильнее, шире и бурливей
Кренится за стеклом сирень.

Уже кончается, скудеет
(Вся жизнь так грустно-коротка)
И капли на стекле редеют,
От сумрачного ветерка

Неудержимо исчезают.
Теперь, когда их больше нет,
Теперь — яснее проступает
За ними этот слабый свет.

На каменном крыльце чужого дома
Бродяга пьяный разложил свой завтрак,
Весь в блеске солнца, — и разбил бутылку,
И разлилось вино, мешаясь с грязью,
По серому асфальту. И тогда

Он быстро опустился на колени,
Припал ничком — и начал пить из лужи,
Слегка блестевшей темноватым блеском,
И солнце нежно золотило лица
Торговок, насмехавшихся над ним.

Да, на коленях, как библейский странник,
Бездомный, пересохшими губами
Целуя грязь земли обетованной,
Как блудный сын, беспутный и прощенный,
Прижав лицо к сандалиям отца...

Озаренное небо, и птицы летят.
Что я знаю — о жизни, о смерти, о Боге?
Что мы знаем? — Я помню такой-же закат.
Помню палубу, даль, словно берег пологий...

С нами ехал ребенок, печальный, слепой
От рожденья, с бесстрастьем в невидящем взоре,
Чутко слушал... Как смутно шумит за кормой
Голубое, слепому незримое море...

СОДЕРЖАНИЕ

Неужели не стоило 5
Ночью мягче погода 6
Так посмотришь небрежно 7
Петух возвещает, чуть свет 8
В безветреных полях еще весна 9
Яснее с каждым годом: да, провал 10
В Булонский лес заходишь в декабре 11
Шагаешь по мокнущей груде 12
Вот, живешь: суета, нищета 13
Ночью мост рабочие чинили 14
Кабак, завод, тюрьма, больница 15
Немного рыбы и немного соли 16
Мальчик бился над задачей 17
А помнишь детство, синий сумрак, юг 18
Порой, читая вслух парижским крышам 19
В такой-же день, весной, с тобой вдвоем 20
Влюбленные целуются опять 21
Опять подымается ветер 22
Скучная желтеет речка 23
Наклонись над рекой, погляди 24
В стакане стынет золотистый чай 25
В углу, над шкафом, от стены 26
Я слышал где-то анекдот 27

Быть может, в мире все иначе 28
Нам кажется, все ясно, очень просто 29
Трепещут судорожные зарницы 30
Солнечная зыбь на реке 31
Ночами едет сквозь зыбкий сон 32
Он тоже один исходил 33
Бывает, поддашься болезни 34
Вот, опять вдали кряхтенье 35
Какой глубокий, неземной покой 36
Стоим, молчим. Неясное мерцанье 37
Этот мир, тускловатый и тленный 38
Снова тот-же ветер веет 39
Порой замрет, сожмется сердце 40
Медленно меркнет мой путь 41
Быть может... Неясные звезды 42
Какой неудержимый ливень 43
На каменном крыльце чужого дома 44
Озаренное небо, и птицы летят 45

Окончена печатанием
15 сентября 1950 г.
в Париже.

Imprimerie S.N.I.E., 32, rue de Ménilmontant, Paris (20e).